

ЛИТЕРАТУРА

УДК 82 (091)

И.В. ДОНСКОВА

(irinadonskova@bk.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЖАНРОВЫЕ ТРАДИЦИИ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЫ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ВИЙ»

Рассматривается соотношение сказочной композиционной схемы и жанровых традиций несказочной прозы в поэтике повести Гоголя «Вий». Особое внимание уделяется выявлению роли примет и поверий в художественной структуре повести.

Ключевые слова: Гоголь, поэтика, сказочная схема, быличка, приметы, поверья.

Повесть «Вий» стоит особняком в ряду других произведений из цикла «Миргород» и, в отличие от остальных его повестей, где мир изображается с большей реалистичностью, продолжает фольклорные традиции гоголевских «Вечеров». «Повесть, в общем выдержанная в романтической литературной манере, в развитии сюжета опирается на фольклорную, сказочную традицию», – таков один из выводов комментаторов академического издания гоголевского текста [2, с. 736].

Они отмечают близость гоголевского сюжета о ведьме-панночке и Хоме к народным сказкам о ведьмах. Однако, в отличие от них, в повести Гоголя нет «доброего советника» или волшебного помощника, который бы мог помочь Хоме и спасти его. Сказочная схема прослеживается и в композиционной структуре повести. Отправка главного героя в дальний путь: дорога, ночь, ночлег в незнакомом доме – все эти топосы путешествия есть в структуре волшебной сказки. Ночной полет Хома и ведьмы, превращение ведьмы в красавицу – характерные сказочные мотивы. День здесь властен над ночью. С наступлением утра нечистая сила теряет возможность вредить человеку и вынуждена вернуться в свой мир.

Одной из особенностей поэтики волшебной сказки является прием троекратного повторения. Число «три» в повести «Вий», как и в сказке, играет значимую роль: «... **три** бурсака своротили с большой дороги в сторону, с тем, чтобы в первом попавшемся хуторе запастись провиантом, потому что мешок у них давно уже был пуст» [2, с. 181]; ведьма-панночка: «перед смертным часом изъявила желание, чтобы отходную по ней и молитвы в продолжение **трех** дней после смерти читал один из киевских семинаристов: Хома Брут» [Там же, с. 189]; в церковь «**Три** козака взошли вместе с Хоמוю» [Там же, с. 205]; три ночи читает Хома псалтырь в церкви; трижды ему приходится сразиться с нечистой силой; три раза пропоют утром петухи. В сказке, как правило, число «три» оказывается счастливым для главного героя, третья попытка отгадать загадку или выполнить трудное задание всегда становится решающей и удачной. В «Вие» же – все наоборот: сила Хома с каждой последующей ночью идет на убыль, и на третью ночь герой не может противостоять демоническому противнику, поэтому повесть заканчивается не сказочным «пиром на весь мир», а поминками по Хоме Бруту.

Хома является сиротой, что типично для протагониста волшебной сказки. Мотив сиротства очень значим в обрядовом контексте повести и для его отношений с панночкой [См. об этом: 3, с. 20]. Заметим, что панночка лишена имени. Скорее всего, Гоголь делает это намеренно, чтобы показать отчужденность дочери сотника от людей, ее принадлежность к потустороннему миру, в котором обитают существа, не имеющие имен. Подобный прием Гоголь использовал и ранее: вспомним его «Майскую ночь, или Утопленницу», где панночка-ведьма ни разу не названа по имени.

Е.М. Мелетинский, говоря об образе ведьмы в повести, отмечает: «В “Вие” встречаем ведьму с чертами вампира. Отпевающий ее школяр Хома Брут также не расколдовывает героиню и не женится на расколдованной, как это имеет место в популярной сказке, а погибает от взгляда могучего всесильного демонического существа Вия, погибает, не выдержав испытания, как бы не пройдя инициацию из-за отсутствия качеств мифологического или сказочного героя» [8, с. 77].

С.В. Максимов в работе «Нечистая, невидимая и крестная сила» замечает, что малорусская и русская ведьма предстают перед людьми в разных обликах: в первом случае чаще всего это молодая вдовушка или молодая женщина приятной наружности, во втором – безобразная старуха. Гоголевская панночка является Хоме сначала в образе старухи, а после смерти принимает облик необычайной красавицы.

Традиционное представление о ведьме сложилось у славян задолго до принятия христианства. «Само слово ведьма означает “та, что обладает ведовством, знанием” и происходит от славянского глагола ведать – “знать”. Ведовством на Руси называлось любое тайное магическое знание, независимо от того, использовалось ли оно для излечения болезней или для наведения порчи» [7, с. 269]. Любимое занятие ведьмы – оборотничество. Она может превращаться в любое существо и в любой предмет. При желании она может становиться невидимой. «Ведьме удастся иногда оседлать человека, и он, увлекаемый чарами ее, везет ее на себе через трубу и возит по свету до упаду. Есть и обратные примеры, то есть, что осторожный и знающий человек выезжал на ведьме, как мы видим из рассказов Гоголя», – замечает В.И. Даль со ссылкой на повесть Гоголя, тем самым признавая ее в качестве достоверного фольклорного источника [5, с. 52].

Знаменитый фольклорист, видимо, опираясь в данном случае на слова автора, предпосланные основному тексту «Вия»: *«Вся эта повесть, – есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал»* [2, с. 175]. И если понимать гоголевские слова буквально, в повести должны присутствовать черты устного рассказа, соответствующего такому жанру несказочной фольклорной прозы, как предание. Многочисленные попытки исследователей обнаружить в славянском и мировом фольклоре конкретный источник гоголевского сюжета успехом не увенчались. Скорее всего, мы имеем дело с авторским приемом, отсылающим читателя повести к фольклорной традиции в целом, но с ориентацией на жанры устной несказочной прозы. В отличие от сказочной прозы, им присуща установка на достоверность, а в качестве главных персонажей выступают образы нечистой силы, имеющие потустороннее происхождение. Общение с ними было опасно для человека, поэтому в народной культуре появились жанры, призванные научить правилам поведения при встрече с нечистой силой и умению защититься от нее. Это былички, бывальщины, приметы и поверья. Если первые два жанра так или иначе привлекались к анализу фольклорных источников «Вия», то значимость двух последних учитывалась далеко не в полной мере. Мы попытаемся восполнить этот пробел, чтобы выявить роль и удельный вес народных примет и поверий в художественной структуре повести Гоголя.

Приметы – фольклорный жанр, представляющий собой паремии «с доминантной прогностической функцией» [9, с. 259]. Они включают в себя явления, случаи, которые в народе считаются предвестием каких-либо событий, имеющих определенные – как позитивные, так и негативные – последствия. Особым жанром повествовательного фольклора являются *поверья*, или *суеверия*, вербализующие в устойчивой, часто клишированной форме («формула поверья») мифологические представления о причинах тех или иных явлений и событий, связанных со сверхъестественными потусторонними силами. «Нередко “формула поверья” содержится в качестве введения или, наоборот, резюме былички» [11, с. 152]. Они содержат допущение, что от этих сил можно найти защиту или достигнуть с ними приемлемого для человека компромисса.

Погружая читателя в атмосферу народной жизни, Гоголь включает в свою повесть множество примет и поверий. Они по преимуществу относятся к похоронному обряду, поскольку большая часть

повести посвящена рассказу о смерти панночки и подготовке к ее погребению. Рассмотрим их подробнее.

Когда Гоголь описывает гроб умершей панночки, он обращает внимание на то, что рядом с ней стояли «*высокие восковые свечи, увитые калиною*» [2, с. 198]. В тексте повести есть указания на то, что хуторяне знали, кем на самом деле являлась панночка. Свечи, по-видимому, играют здесь роль оберегов от нечистой силы. Символическое значение красного цвета как цвета жизни и красоты переносится на растения, имеющие красные цветы или плоды, особенно на розу, гвоздику, рябину и калину. В народе бытовало суеверие, что ветки калины с красными ягодами отпугивают ведьм.

Показательно, что описывая церковь, Гоголь уделяет большое внимание тому, как и чем освещена церковь и место, где стоит гроб с телом панночки, но нигде не упоминает о калине. Возможно потому, что, по известному поверью, «нечистую силу» отпугивают сами стены божьего храма. Гоголю несомненно было известно то, о чем пишет современный исследователь народной мифологии: «В пространстве есть освященные места, свободные от проникновения нечистой силы. Это церкви и часовни, места пребывания святых – источники, которые они сотворили, камни, на которых они отдыхали, деревья, под которыми они сидели» [7, с. 11]. Однако в гоголевском описании церкви подчеркиваются ее запущенность и заброшенность: *Церковь деревянная, почерневшая, убранная зеленым мохом, с тремя конусообразными банями, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправлялось никакого служения* [2, с. 200]. Такой храм не может защитить от нечистой силы.

Среди народных суеверий бытует представление о том, что красота лежащей в гробу покойницы – плохая примета. У Гоголя красота усопшей панночки многократно акцентируется: «*...перед ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле... Чело, прекрасное, нежное, как снег, как серебро, казалось, мыслило*» [Там же, с. 199]. Но в тех же самых чертах Хома видел что-то страшно пронзительное: «*Может быть, даже она не поразила бы таким паническим ужасом, если бы была несколько безобразнее.... Такая страшная, сверкающая красота!*» [Там же, с. 206]. Согласно народным верованиям, красота у покойника появляется неспроста. Человека, не связанного с нечистой силой, смерть красить не может.

Существует примета, что прямые родственники умершего в период похорон находятся как бы в карантине. Кровная родственная связь в жизни предполагает такую же связь в смерти. Им запрещается нести гроб покойника, чтобы не уйти вслед за ним. Наперекор запретам сотник идет «*...вперед, неся рукою правую сторону тесного дома умершей*» [Там же, с. 200]. Так безутешный отец призывает к себе смерть. Действенность запрета подтверждается Гоголем уже в конце повести: «*Щеки его опали только гораздо более прежнего. Заметно было, что он очень мало употреблял пищи или, может быть, даже вовсе не касался ее. Необыкновенная бледность придавала ему какую-то каменную неподвижность*» [Там же, с. 212].

Автор вводит в текст повести еще одну примету, связанную с похоронным обрядом: после несения гроба нужно согреть руки у печи. «*Все несшие гроб начали прикладывать руки к печи, что обыкновенно делают малороссияне, увидевшие мертвеца*» [Там же, с. 200]. Это одна из охранительных мер, позволяющая «не занести» домой смерть. Особенно важно согреть руки тем, кто нес гроб, или тем, кто является близким родственником умершего. В.И. Даль замечает: «С кладбища, с похорон, ни к кому не заезжать; привезешь смерть в дом; или же, возвратившись, приложить ладони трижды к печи: это не есть поверье простолюдина, а изобретение наших старушек, которые боятся смерти и не любят об ней вспоминать» [5, с. 44].

В традиционном украинском похоронном обряде использовалась красная хлопчатобумажная ткань «китайка». В.В. Данилов, изучавший фольклорные тексты, в которых отразились черты старинного малороссийского козацкого быта, поднял вопрос о наличии красного траура у украинцев. В старинной одежде казаков преобладал красный цвет. Жупан шили преимущественно из красного сукна или китайки. В походной жизни красная китайка употреблялась, в частности, для обертывания убитых казаков. «Вследствие повторяемости этих случаев могла возникнуть ассоциативная связь между пред-

ставлением о смерти и красным цветом, и ему придавалось ритуальное значение» [6, с. 33]. У Гоголя эта особенность козачьей похоронной обрядности призвана подчеркнуть не только состоятельность сотника, но и глубокий траур по усопшей дочери: в ее светлице «...*Весь пол был выстлан красною кистайкой*», а тело панночки лежало «*на одеяле из синего бархата, убранном золотою бахромою и кистями*» [2, с. 198].

Значительную роль играют в повести приметы и поверья, связанные с миром животных и птиц. Они, по народным представлениям, способны чувствовать и видеть больше человека. Так, например, птицы часто являются вестниками судьбы. Даже в современном мире люди часто ориентируются на поведение животных, поскольку у них сильно развито чутье. Всем известно, что крысы бегут с тонущего корабля, собаки и кошки начинают странно себя вести перед приближающимся стихийным бедствием, как будто пытаются подать знак человеку, предупредить его об опасности. Таков звуковой ряд сцены проводов Хома на третью ночь в церковь слугами сотника Дорошем и Евтухом: «*Ночь была адская. Волки выли вдали целую стаей. И самый лай собачий был как-то страшен*» [Там же, с. 216]. Эти звуки предвещают философу скорое несчастье. Их истинный смысл пытается осмыслить Дорош: «*Кажется что-то другое воет: это не волк*» [Там же]. *За минуту до появления Вяя Хома вновь слышит волчий вой. «И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье»* [Там же, с. 217]. Становится ясно – зло совсем рядом. Народная примета гласит: если услышишь вой волка, жди скорого несчастья. С ее помощью автор предупреждает читателя, что главного героя ждет страшное испытание.

В народной культуре существует множество суеверных примет, связанных с поведением птиц, особенно кур и петухов. В христианских легендах и поверьях петух ассоциировался с рождением света, зарождением новой жизни. Люди считали, что петух отсчитывает время, а криком отпугивает демонов ночи и прочую нечисть. «"Петух поет – значит, нечистой силе темной пора пришла!" – говорят в народе, твердо верящем, что с вечера и до "первых петухов" положено бродить по земле всякому воплощению черта, но крик его обладает способностью изгонять нечисть» [4, с. 471]. Эта примета играет активную роль в сюжете повести Гоголя. Именно крик петуха дважды спасает Хома: «*Сердце у философа билось, и пот катился градом; но ободренный петушиным криком, он дочитывал листы*» [2, с. 208]. Не менее значимо в повести и народное суеверие о том, что собака воет к покойнику: «баба», услышавшая собачий вой, в скором времени умерла.

В «Энциклопедии русских суеверий» М. Власовой есть указание на то, что, по народному поверью, «покойники с сумерек до утренних петухов выходят из могил, могут навещать родственников и близких знакомых..., а с пением петуха спешат укрыться в могилу» [1, с. 744]. Так, у Гоголя с наступлением ночи покойница встает из гроба и пытается погубить Хома, а с пением петуха ее магические способности исчезают, и она вынуждена вернуться обратно.

В последнюю, третью ночь отпевания дочки сотника в храме «*попадали на землю иконы*» [2, с. 216]. По народным представлениям, икона падает – к покойнику. Писатель усиливает значение этой приметы тем, что действие происходит в церкви. Если уж в божьем храме случается такое, то у Хома нет никакого шанса избежать смерти. И вскоре «*бездыханный грянул он на землю*» [Там же, с. 217].

Одним из самых известных в народной культуре способов защиты от нечистой силы является круг, который мелом или углем нужно очертить вокруг себя. «Круговая линия, начертанная ножом или углем, а также зажженною лучиною, защищает человека от зловредного действия колдовства и нападения "нечистой силы". Через эту линию не может переступить ни злой дух, ни ведьма, ни сама смерть» [4, с. 324]. А человек, спасающийся за этой линией, ни в коем случае не должен выйти из круга. Войдя в церковь, гоголевский Хома «*в страхе очертил возле себя круг*» [2, с. 208] и делал так каждую ночь, когда начинал молиться о душе панночки-ведьмы. Первые две ночи круг делает героя невидимым для нечистой силы. И в последнюю третью ночь, когда несметная сила чудовищ окружила Хома, они «*...Все глядели на него, искали и не могли увидеть его, окруженного таинственным кругом*» [Там же].

Раздумывая о панночке-ведьме, Хома говорит: «*видно проклятая ведьма порядочно грехов наделала, что нечистая сила так за нее стоит*» [2, с. 215]. В народе бытует мнение, что сила ведьмы зависит от ее «деяний», несущих вред человеку. На кухне, после того, как усопшую отнесли в церковь, происходит разговор, из которого становится ясно, что умершая «*зналась с нечистым*» [Там же, с. 201]. Здесь же задаются вопросом, «*можно ли узнать по каким-нибудь приметам ведьму?*» [Там же]. На этот счет высказываются разные мнения. Первое связано с поверьем: «*Люди, знающие науку, говорят, что у ведьмы есть маленький хвостик*» [Там же, с. 202]. Второе носит иронически сниженный, бытовой характер: «*Когда стара баба, то и ведьма*» [Там же]. Суждения героев гоголевской повести находят опору в фольклорных источниках: «*Ведьмы – обычные на вид женщины. Некоторые говорят, что у каждой ведьмы есть небольшой хвостик*» [7, с. 269].

В произведениях фольклорной прозы часто встречается мотив «узнавания» ведьмы или колдуна в ином, «утреннем» облике по ранению, которое герой нанес ему ночью. Этот мотив чаще всего характерен для быличек. У Гоголя он встречается дважды – в истории с отрубленной рукой мачехи-ведьмы из «Майской ночи», и в «Вие»: Хома, ночью летавший на ведьме и нанесший ей тяжелые побои, на следующий день узнает, что «*дочь одного из богатейших сотников, которого хутор находился в пятидесяти верстах от Киева, возвратилась в один день с прогулки вся избитая, едва имевшая силы добресть до отцовского дома, находится при смерти*» [2, с. 189].

Устные истории о встрече человека с существами потустороннего мира, которые рассказывают Хоме жители хутора, должны утвердить его в том, что умершая панночка – ведьма. Они имеют ссылку на свидетеля или рассказываются от первого лица, что характерно для такого жанра сказочной прозы, как быличка, с его установкой на достоверность: «*„Что ты хочешь? Чтобы я молчал?“ „Да она на мне самом ездил. Ей богу, ездил!“*» [Там же, с. 201], – говорит Дорош. Последствия встречи с нечистой силой, согласно законам былички, чаще всего губительны для человека. Таковы судьбы людей, ставших жертвами встреч с панночкой, главной героини всех рассказанных Хоме историй. Псарь Микита из-за любви поддался колдовским чарам и погиб. В истории с Щепчихой панночка выступает в роли ведьмы-оборотня, которая пьет человеческую кровь. Ночь в народе издавна связывалась со злом и колдовством. Ночью человеческая жизнь подвергается наибольшей опасности. Щепчиха, хоть и испытывала страх ночи, все же решилась открыть дверь и спугнуть собаку, тем самым погубив себя и маленького ребенка. Гоголь в этих рассказах о панночке знакомит читателя с широким типологическим спектром сюжетов и мотивов быличек о ведьмах: «*Материя о ведьме сделалась неисчерпаемой. Каждый в свою очередь спешил что-нибудь рассказать. К тому ведьма в виде скирды сена приехала к самым дверям хаты; у другого украла шапку или трубку; у многих девок на селе отрезала косу; у других выпила по несколько ведер крови*» [Там же, с. 205].

Таким образом, сказочная основа сюжета «Вия» осложнена целым рядом жанровых традиций фольклорной сказочной прозы, играющих существенную роль в поэтике повести. Народное предание, названное Гоголем источником «Вия», включает в себя сюжеты и мотивы быличек, приметы и поверья. Они создают в повести атмосферу тревожного ожидания, сопровождающую повествование о поединке Хома с нечистой силой. Приметы и поверья носят в сюжете апотропеический характер. Они словно предупреждают, предостерегают Хому, являются для героя своеобразными сигналами, побуждающими его остановиться, задуматься о своей жизни и покаяться в грехах.

Продолжая традиции «Вечера накануне Ивана Купала» и «Страшной мести», Гоголь вновь актуализирует тему грешной души и возмездия грешнику, не устоявшему перед соблазнами разгульного образа жизни, чревоугодия и наживы. Сакральное слово заупокойной молитвы теряет силу в его устах, а неспособность раскаяться и духовно очиститься приводят главного героя повести к гибели. Завязка сказочного сюжета оборачивается в финале трагической развязкой, характерной для поэтики тех жанров фольклорной сказочной прозы, которые доминируют в поэтике «Вия».

Литература

1. Власова М. Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008.
2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 2. М; Л.: АН СССР, 1937.
3. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. М., 2014.
4. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Русские легенды и предания. М., 2006.
5. Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М., 2008.
6. Данилов В.В. Красный траур в малорусском похоронном обряде // Живая старина. Вып. 4, 1909. С. 31–37.
7. Левкиевская Е.Е. Русская народная мифология. М., 2009.
8. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М., 1994.
9. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет // Паремнологические исследования. М., 1984. С. 254-299.
10. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
11. Толстая С. М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: «Индрик», 2001. С. 151–205.

DONSKOVA I.W.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

GENRE FOLK TRADITION OF PROSE IN THE NOVEL BY N. V. GOGOL «VIY»

Abstract. The article discusses the ratio of a fabulous composition and genre of the prose-tale traditions in poetics of the novel Gogol's "Viy". Special attention is paid to identifying the role of will, and belief in the artistic structure of the novel.

Key words: Gogol, poetics, fantastic scheme, bilicka, signs, legends.